

RU

Машинный интеллект как категория технокультуры: операциональное посредничество и границы технической агентности

Беляева У. П.

Аннотация. Цель исследования – экспликация понятия «машинный интеллект» как культурно-философской категории, описывающей участие технических систем в интеллектуальных практиках современной технокультуры. В статье с помощью концептуального и сравнительного анализа рассматривается смысловая неоднородность термина «искусственный интеллект», выявляются антропоморфные предпосылки его классических трактовок и обосновывается разграничение искусственного интеллекта как обозначения научно-технической области и машинного интеллекта как культурно-философской категории. Научная новизна состоит в интерпретации машинного интеллекта как формы операционального посредничества и в определении условий, при которых данное понятие применимо к техническим системам. К таким условиям относятся делегирование системе определенной операции, представление ситуации в доступной для машинной обработки форме, наличие нескольких возможных вариантов решения и включение полученного результата в дальнейшее суждение, выбор или действие. В результате машинный интеллект определяется как способность технической системы выбирать или формировать релевантный результат в ситуации, допускающей несколько возможных решений. Показано, что такое понимание позволяет фиксировать техническую агентность машинных систем без приписывания им субъектности, авторства и моральной ответственности.

EN

Machine intelligence as a category of technoculture: operational mediation and limits of technical agency

U. P. Belyaeva

Abstract. The aim of the research is the explication of the concept of "machine intelligence" as a cultural-philosophical category describing the participation of technical systems in the intellectual practices of modern technoculture. By means of conceptual and comparative analysis, the article examines the semantic heterogeneity of the term "artificial intelligence," identifies the anthropomorphic assumptions of its classical interpretations, and substantiates the distinction between artificial intelligence as a designation of a scientific and technical field and machine intelligence as a cultural-philosophical category. The scientific novelty lies in the interpretation of machine intelligence as a form of operational mediation and in determining the conditions under which this concept is applicable to technical systems. Such conditions include delegating a specific operation to the system, representing a situation in a form accessible for machine processing, having several possible solution options, and incorporating the obtained result into subsequent judgment, choice, or action. As a result, machine intelligence is defined as the ability of a technical system to select or form a relevant result in a situation that allows for several possible solutions. It is shown that such an understanding makes it possible to register the technical agency of machine systems without attributing subjectivity, authorship, or moral responsibility to them.

Введение

Распространение систем машинного обучения и генеративных моделей изменило саму постановку философского вопроса об интеллектуальной технике. Еще недавно центральным оставался вопрос о возможности создания машины, сопоставимой с человеком по широте познавательных способностей. Сегодня технические системы уже участвуют в классификации, поиске, прогнозировании, производстве текста и изображений, подготовке экспертных решений. Для их участия в культурных практиках не требуется ни признания за ними сознания, ни появления общего искусственного интеллекта. Результаты машинной обработки входят

в коммуникацию раньше, чем получают устойчивую онтологическую интерпретацию: они направляют внимание, ранжируют варианты, подготавливают суждение, а иногда становятся институциональным основанием действия. Однако противопоставление машины как орудия и машины как субъекта не позволяет адекватно описать эту ситуацию. В ее рамках трудно определить положение технической системы, которая меняет ход интеллектуальной практики, но не обладает человеческим опытом, собственной жизненной перспективой и моральной ответственностью. Актуальность нашего исследования связана с необходимостью философски эксплицировать данную техническую действительность.

Исследования искусственного интеллекта (ИИ) развиваются в нескольких концептуальных направлениях. Поведенческий критерий восходит к А. Тьюрингу (Turing, 1950, p. 433-436), тогда как граница между слабым и сильным ИИ была сформулирована Дж. Сёрлом в связи с вопросом о машинном понимании (Searle, 1980, p. 417-424). Философия техники и цифровой культуры предлагает иной ракурс. Здесь вычислительные системы рассматриваются через средообразующую функцию информационных технологий, техническую когницию, цифровые объекты, исторический техногенез интеллекта и алгоритмическую воспроизводимость языка (Floridi, 2014, p. 139-145; Hayles, 2017, p. 14-16, 115-120; Hui, 2016, p. 47-75; Bates, 2024, p. 2-13, 328-345; Weatherby, 2025, p. 1-3). Эти подходы смещают внимание с имитации человеческого разума к условиям, в которых техническая операция приобретает культурную действительность, однако сами по себе не определяют границу машинного интеллекта.

Отечественная философская дискуссия об ИИ имеет длительную историю. А. В. Резаев и Н. Д. Трегубова реконструируют споры об «умных машинах» с 1960-х годов и показывают зависимость их аргументации от различных представлений о человеке и общении (2024, с. 134-140). А. И. Агеев рассматривает множественность определений ИИ как устойчивую особенность современного исследовательского поля (2022, с. 27-31). Д. И. Дубровский анализирует разрыв между технологическими и социогуманитарными описаниями ИИ (2022, с. 10-12), С. А. Смирнов связывает проблему с антропологическими основаниями вычислимости и принципом опосредования (2023, с. 478-482), Д. В. Винник исследует границы проекта искусственной личности (2022, с. 136-138), А. Н. Райков – условия объяснимости машинного решения (2022, с. 72-74), С. Ю. Шевченко – соотношение цифрового когнитивного расширения и эпистемической ответственности (2021, с. 209-213, 222-225). При всей широте этого дискурса менее разработанным остается культурфилософский вопрос: каким понятием описать участие машинных операций в производстве, отборе и признании значимых результатов, не отождествляя такую действительность с человеческой субъектностью. Эта лакуна задает проблематику нашей статьи.

Объектом исследования является современная технокультура, в которой технические системы становятся одним из условий производства, распространения и интерпретации культурных смыслов. Предмет исследования – машинный интеллект как категория, описывающая участие технических систем в практиках, традиционно связанных с интеллектуальным суждением.

Достижение цели исследования предполагает решение следующих задач:

- прояснить смысловую неоднородность понятия искусственного интеллекта;
- обосновать переход от понятия «искусственный интеллект» к понятию «машинный интеллект» в культурфилософском анализе;
- сформулировать критерии, позволяющие отличать машинный интеллект от однозначного автоматизма, простой передачи информации и антропоморфной проекции.

Методологическую основу исследования составляют концептуальный и сравнительный анализ. Концептуальный анализ применяется для прояснения содержания понятий «искусственный интеллект» и «машинный интеллект», выявления антропоморфных предпосылок их употребления и формулирования авторского определения. Сравнительный анализ используется при сопоставлении поведенческого, функционального и социально-реляционного подходов, а также при разграничении технического понятия искусственного интеллекта и его культурфилософской интерпретации.

Теоретическую основу статьи составляют несколько исследовательских направлений. Философия искусственного интеллекта задает проблематику поведения, понимания, функциональной компетентности и возможной субъектности машинных систем (Turing, 1950; Searle, 1980; Coeckelbergh, Gunkel, 2025). Философия техники и цифровой культуры связывает интеллект с техническим опосредованием, цифровыми объектами и средообразующей функцией технологий (Floridi, 2014; Hui, 2016; Bates, 2024). Концепции технической когниции и когнитивных сборок Н. Кэтрин Хейлз (Hayles, 2017), а также анализ алгоритмической воспроизводимости языка Л. Уэзерби (Weatherby, 2025) используются для описания машинной действительности, не предполагающей тождества когниции и сознания. Отечественный контекст представлен исследованиями понятийной неопределенности ИИ и истории соответствующих дискуссий (Агеев, 2022; Резаев, Трегубова, 2024), соотношения технологического и социогуманитарного описаний, принципа опосредования, искусственной личности и объяснимости (Дубровский, 2022; Смирнов, 2023; Винник, 2022; Райков, 2022), а также цифрового расширения познания и эпистемической ответственности (Шевченко, 2021).

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении содержания понятия «машинный интеллект» и обосновании его категориального статуса в философии культуры. Практическая значимость связана с возможностью использовать предложенные критерии выделения машинного интеллекта при гуманитарной оценке генеративных, рекомендательных и экспертных систем.

Обсуждение и результаты

Понятийная неоднородность искусственного интеллекта

С момента появления термин «искусственный интеллект» объединял несколько смысловых планов. Им обозначали инженерную программу разработки методов, способных воспроизводить отдельные познавательные функции; одновременно с ним связывали гипотезу о машинном сознании и ожидание человекоподобного разума. Сохраняющаяся множественность определений представляет собой не случайный терминологический недостаток, а характерную черту самого исследовательского поля (Агеев, 2022, с. 27-31). В предложении о проведении Дартмутского семинара, ставшего отправной точкой институционального оформления ИИ, утверждалось, что каждый аспект обучения или иной признак интеллекта в принципе может быть описан настолько точно, чтобы машина смогла его воспроизвести (McCarthyetal, 2006, р. 12). Эта формула зафиксировала одну из исходных логик ранней исследовательской программы ИИ: человеческая способность предварительно выделяется, формализуется и переносится в искусственную систему. Интеллект машины при таком подходе измеряется близостью к уже признанному человеческому образцу.

Тьюринг предложил иной ход. Вместо определения слов «машина» и «мышление» он ввел процедуру сравнения ответов в игре-имитации (Turing, 1950, р. 433-436). Тем самым вопрос о внутренней природе мышления был перенесен в область наблюдаемого взаимодействия: машина оценивается по тому, как она действует в ситуации коммуникации, а не по предполагаемому сходству ее устройства с мозгом человека. Однако мерой успеха по-прежнему остается человеческий участник. Поведенческий критерий ослабляет требование онтологического тождества, но сохраняет антропоморфную норму на уровне результата.

Последующие различия не устранили эту двойственность. В терминологии Дж. Сёрла слабый ИИ означает методологическую позицию, согласно которой компьютер служит инструментом моделирования и проверки гипотез о мышлении. Сильный ИИ предполагает, что правильно организованная программа действительно понимает и обладает когнитивными состояниями. Именно против этого тезиса был направлен аргумент Сёрла (Searle, 1980, р. 417-424). Различение узкого и общего ИИ строится по иному основанию – диапазону задач, переносимости способов решения и способности действовать в различных средах. Поэтому сильный и общий ИИ не являются синонимами: первый концепт относится к онтологическому статусу понимания, второй – к широте функциональной компетентности. Система может расширять диапазон решаемых задач, оставляя вопрос о сознании открытым.

Для культурфилософского анализа существенна историческая подвижность границы интеллектуального. Так, шахматная игра, распознавание речи, машинный перевод и построение маршрута в разное время считались свидетельствами интеллектуальной сложности, пока соответствующие операции не стали обычными функциями программ. М. Кукельберг и Д. Гункель отмечают характерное смещение критерия: после автоматизации прежнее доказательство интеллекта утрачивает исключительность и переходит в разряд вычислительной рутины (Coeckelbergh, Gunkel, 2025, р. 47-48). Интеллектуальной чаще признается способность, которую машина еще не освоила, а успешно делегированная операция задним числом перестает считаться интеллектуальной.

Такое смещение показывает, что спор об ИИ касается культурных границ компетентности, а не только поиска свойства, одинаково присутствующего у человека и машины. Эссенциалистский подход оказывается ограниченным, поскольку биологические и технические системы имеют различную организацию. Чисто поведенческая трактовка может принять убедительный ответ за эквивалент интеллектуальной деятельности. Социально-реляционный подход учитывает практики признания, но рискует сделать само признание единственным основанием категории. Сравнение отечественных и зарубежных дискуссий также показывает, что оценки проекта ИИ зависят от разных антропологических и социальных предпосылок (Резаев, Трегубова, 2024, с. 134-140). Поэтому следует различать два аспекта: характер самой технической операции и способы включения ее результата в культурную практику.

Понятие интеллекта здесь имеет описательное и нормативно-разграничительное значение. В культуре интеллектуальная способность связывается с правом выносить суждение, объяснять и претендовать на эпистемический авторитет. Включение машинных систем в интеллектуальные практики приводит к частичной передаче им функций, прежде выполнявшихся человеком. Однако это еще не дает оснований считать машину субъектом знания. Значимость машинного результата определяется тем, как он проверяется, интерпретируется и используется людьми и институтами.

От «искусственного» к «машинному»: основание категориального различия

Против введения понятия машинного интеллекта можно выдвинуть очевидное возражение. В англоязычной литературе выражения machine intelligence («машинный интеллект») и artificial intelligence («искусственный интеллект») нередко сосуществуют в пересекающемся терминологическом поле. К примеру, М. Кукельберг и Д. Гункель обращаются к понятию machine intelligence при обсуждении интеллекта и сознания языковых моделей, оставаясь в привычном проблемном поле ИИ (Coeckelbergh, Gunkel, 2025, р. 43-44). Следовательно, простая замена слов сама по себе не создает нового понятия. В настоящем исследовании различие имеет не лексикографический, а категориальный смысл. «Искусственный интеллект» сохраняет значение

названия научно-технической области, совокупности методов и классов систем. «Машинный интеллект» обозначает режим, в котором их операции включаются в культуру и перестраивают интеллектуальную практику.

Дополнительным основанием для такого разграничения служит семантика слова «искусственный». Оно указывает на изготовленное человеком, но в обыденном употреблении легко приобретает оттенки вторичности, имитации и неподлинности. Тем самым оппозиция «естественное – искусственное» закрепляет за человеческим интеллектом статус исходной нормы, относительно которой оценивается интеллект машины. Д. Бейтс намеренно заостряет проблему формулой: «естественного интеллекта не существует; всякий интеллект искусственен» (Bates, 2024, p. 13). Однако буквальное принятие этого тезиса стерло бы различия между биологической жизнью и технической системой. Его смысл состоит в другом: человеческое мышление исторически формировалось вместе с письмом, счетом, измерением, автоматами и медиальными устройствами. Соответственно техника участвовала в становлении операций, которые позднее представлялись сугубо внутренними свойствами разума (Bates, 2024, p. 2-13, 328-345).

Определение «машинный» смещает внимание с происхождения объекта на организацию действия. Машинность здесь не означает жесткий механизм с неизменной программой. Она указывает на технически закрепленное, воспроизводимое и частично делегированное исполнение операции. Ее носителем может быть экспертная система, обученная модель, робототехнический комплекс или распределенный вычислительный контур. Так, Ю. Хуэй показывает, что цифровой объект существует через отношения, стандарты, метаданные и сети, поэтому его нельзя адекватно описать как изолированную вещь (Hui, 2016, p. 47-75). Соответственно, машинный интеллект следует рассматривать не как искусственный разум, помещенный внутрь отдельного устройства, а как конфигурацию вычислительных процессов, данных, интерфейсов, задач и режимов доступа.

В этой перспективе машинная интеллектуальность имеет распределенный характер. Ее единство поддерживается связью модели, данных, вычислительной среды, интерфейса и практики применения. Речь идет не о свойстве, локализованном внутри отдельного устройства, а о способе организации взаимодействия модели, данных, вычислительной среды и практики применения. Машинный интеллект возникает там, где техническая система преобразует данные о ситуации в результат, который приобретает значение в конкретной культурной практике. Это понимание сохраняет различие между человеком и машиной, не сводя его к поиску внутреннего аналога человеческого сознания.

Такой поворот соответствует изменению статуса техники в современной культуре. В частности, Л. Флориди характеризует информационно-коммуникационные технологии как средообразующие силы, преобразующие человеческую реальность и допускающие существование артефактов, «умных» без человеческого способа быть разумными (Floridi, 2014, p. 139-145). Н. Кэтрин Хейлз, разграничивая сознание и когницию, описывает когнитивные сборки, в которых люди и технические системы выполняют различные операции в едином контуре (Hayles, 2017, p. 14-16, 115-120). Л. Уэзерби обращает внимание на алгоритмическую воспроизводимость языка: осмысленная с точки зрения культурной коммуникации знаковая форма может быть порождена без непосредственного участия человеческой когниции (Weatherby, 2025, p. 1-3). Эти подходы выводят анализ интеллектуальных технологий за пределы модели техники как внешнего инструмента готового субъекта, но не задают критерия, по которому техническую когницию следует отличать от машинного интеллекта.

Под технокультурой в настоящей статье понимается состояние культуры, при котором технические формы входят во внутренние условия производства, отбора и циркуляции значимых смыслов. Машинная операция приобретает культурную действенность не потому, что аудитория ошибочно приписывает ей сознание, и не вследствие одной вычислительной сложности. Существенно, что результат машинной операции может служить ответом, рекомендацией, прогнозом, основанием для классификации или дальнейшего суждения. В этом отношении машинный интеллект представляет собой культурно актуализированный режим технической когниции.

При этом, безусловно, не всякий технический или информационный процесс следует называть интеллектуальным. Такое расширение лишило бы понятие различительной силы. С. А. Смирнов противопоставляет стратегии копирования человека принцип опосредования, при котором интеллектуальная техника включается в преобразование деятельности и среды (2023, с. 486-489). В нашем исследовании акцент смещается с вопроса о сходстве машины с человеком на анализ тех функций, которые передаются технической системе в процессе решения задачи. Такой подход позволяет определить ее промежуточное положение между пассивным инструментом и полноценным субъектом.

Операциональное посредничество: определение, критерии и границы

Машинный интеллект понимается как культурно-философская категория, описывающая операциональное посредничество технических систем в интеллектуальной практике. Оно проявляется в том, что системе делегируются операции различения, сопоставления, вывода, ранжирования, преобразования или порождения вариантов, а полученный результат используется человеком или институтом при дальнейшем суждении, выборе или действии. При этом сознание, человекоподобие и универсальность не рассматриваются как необходимые признаки машинного интеллекта.

В предлагаемом определении можно выделить четыре условия машинного интеллекта. Прежде всего, системе должна быть реально делегирована определенная часть операции, которую она способна воспроизводить и выполнять. Для этого ситуация должна быть представлена в форме, доступной машинной обработке: в виде числовых данных, текста, изображения, карты среды, системы правил и т. п. Важным условием является

и наличие нескольких возможных вариантов решения. Система не просто исполняет однозначно заданную последовательность действий, а выбирает, ранжирует или порождает вариант в соответствии с определенными критериями. Наконец, результат такой операции должен быть включен в интеллектуальную практику и использоваться при дальнейшем суждении, выборе или действии. Именно сочетание этих условий позволяет отличить машинный интеллект от простого автоматического выполнения заранее заданной процедуры.

Пределы применимости этой категории особенно ясно обнаруживаются при рассмотрении случаев, которые не относятся к машинному интеллекту. Так, калькулятор выполняет воспроизводимую техническую операцию и может быть важным средством мышления, однако стандартное арифметическое действие задано однозначно и само по себе не разрешает несколько релевантных альтернатив. Генератор случайных чисел создает варианты, но случайность не заменяет выбора по критериям. Передача пакетов по фиксированной таблице маршрутизации поддерживает цифровую коммуникацию, однако простое следование протоколу не решает задачи, которую в данной практике рассматривают как интеллектуальную. Климатическая система может быть чрезвычайно сложной и непредсказуемой, но это не делает ее интеллектуальной: она остается природным процессом, а не системой, выполняющей делегированную ей задачу. Следовательно, ни сложность, ни автономность, ни производство нового сами по себе не являются достаточными признаками машинного интеллекта.

Однако существуют и промежуточные случаи, которые требуют более внимательного применения предложенных критериев. К примеру, поисковая система проявляет машинный интеллект, когда сопоставляет запрос с массивом представлений, ранжирует альтернативы и тем самым организует поле доступного знания. Экспертная система также может соответствовать определению, хотя не обучается на данных: работа с базой правил и вывод одного из нескольких возможных заключений образуют делегированное посредничество. Поэтому обучение не является обязательным признаком. Большая языковая модель подпадает под категорию, когда контекстно порожденный вариант используется для объяснения, поиска формулировки или подготовки решения. Из этого не следует, что модель понимает собственное высказывание. Дж. Бойл показывает, что связная языковая форма зачастую склоняет человека приписывать системе наличие разумности, даже когда известно, как технически устроена модель (Boyle, 2024, p. 3-5). Понятие машинного интеллекта позволяет признать значимость производимого ею результата, не связывая ее непосредственно с наличием сознания.

Автономный робот соответствует предложенному критерию, когда строит представление среды, соотносит варианты действия с целью и корректирует траекторию при изменении условий. Автономность может быть выражена в разной степени: она характеризует объем делегированного выбора, широту среды и способность к адаптации, но сама по себе не наделяет систему субъектностью. Рост функциональной компетентности технической системы не следует понимать как постепенное движение к человеческой субъектности. Соответственно машинный интеллект целесообразно описывать по диапазону задач, переносимости способов решения, глубине контекстной зависимости и роли результата в практике. Такой подход позволяет учитывать развитие функциональных возможностей системы, не предполагая, что оно должно вести к человеческой субъектности.

Можно возразить, что предложенное понятие слишком широко и позволяет отнести к машинному интеллекту даже простые операции сортировки или рекомендации. Чтобы избежать такого расширения, необходимо учитывать два аспекта. Сначала следует установить, действительно ли системе делегирована операция, предполагающая выбор между несколькими возможными вариантами по определенным критериям. Затем необходимо определить, какую роль полученный результат играет в дальнейшей практике. Так, простой фильтр, автоматически удаляющий заданный символ, не отвечает первому условию, тогда как сложная рекомендательная система может ему соответствовать, даже если практическая значимость ее рекомендаций невелика. В то же время удобство интерфейса или доверие пользователей сами по себе не делают систему интеллектуальной. Такое различие позволяет избежать замкнутого рассуждения, при котором наличие машинного интеллекта выводится из того, что система уже воспринимается как интеллектуальная.

Отдельная проблема связана с непрозрачностью машинных решений. Дж. Баррелл показывает, что она может иметь разные причины: закрытость разработчиков, недостаточную техническую подготовку пользователя и сложность самой модели (Burrell, 2016). Сами по себе эти причины ничего не говорят о субъектности системы, но существенно влияют на доверие к ее выводам. Авторитет машинного решения может основываться на его статистической точности, репутации разработчика, способе представления результата или институциональном статусе системы. Поэтому важно различать способность системы производить определенный результат, доверие к этому результату и ответственность за его использование. Понятие машинного интеллекта относится прежде всего к первому аспекту, тогда как доверие и ответственность возникают уже в практике применения технологий.

Это различие важно и для проблемы объяснимого ИИ. Требование объяснимости не означает, что система должна обосновывать свое решение так, как это делает человек. А. Н. Райков показывает, что понятность машинного вывода зависит от среды применения, целей пользователя и используемых онтологий (2022, с. 72-74). Поэтому объяснение следует понимать как способ сделать основания и логику машинного решения доступными человеку, а не как свидетельство внутреннего понимания со стороны самой системы. М. Кукельберг, рассматривая проблему ответственности, также показывает, что влияние технологий на принятие решений можно учитывать, не приписывая ей статус морального агента по человеческому образцу (Coeckelbergh, 2020, p. 2051-2068).

Здесь важно сохранить различие между технической агентностью и субъектностью. Машинная система может обрабатывать условия задачи, предлагать варианты решения и тем самым влиять на последующие действия. Однако цели, критерии допустимости, способы проверки и ответственность за использование

результата задаются людьми и институтами, хотя на практике это распределение нередко скрывается за устройством платформ или бюрократическими процедурами. С. Ю. Шевченко показывает, что в условиях цифрового расширения познания ответственность субъекта сохраняется прежде всего в выборе и проверке эпистемического окружения (2021, с. 222-225).

Под технической агентностью в данном случае понимается способность системы реально влиять на ход действия. Субъектность предполагает больше: наличие переживаемого смысла, биографической непрерывности, способности понимать обращенное требование и отвечать за последствия. Смещение этих понятий приводит к двум крайностям: машина либо наделяется чертами полноценного субъекта культуры, либо ее воздействие сводится к простому продолжению человеческого замысла. Понятие машинного интеллекта позволяет избежать обеих крайностей. Система может выступать операциональным посредником и существенно влиять на принятие решений, не становясь при этом субъектом в человеческом смысле. Интерпретация результата, его нормативная оценка и ответственность за применение остаются в сфере человеческих и институциональных практик.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сместить вопрос о машинном интеллекте с проблемы сходства машины с человеком на проблему ее участия в интеллектуальной деятельности. Сознание, понимание и человекоподобие остаются самостоятельными философскими вопросами, однако они не исчерпывают значения современных интеллектуальных технологий. Машинные системы уже включены в процессы поиска, отбора, классификации, прогнозирования и подготовки решений и тем самым способны влиять на содержание и направление человеческого суждения.

В этом контексте понятие машинного интеллекта приобретает самостоятельное культурфилософское значение. Оно обозначает не новый класс технических устройств и не более осторожное название искусственного интеллекта, а особый способ участия техники в интеллектуальных практиках. Часть операций, прежде непосредственно выполнявшихся человеком, передается технической системе, а произведенный ею результат становится элементом дальнейшего выбора, оценки или решения. Поэтому машинный интеллект следует определять не через степень его сходства с человеческим разумом, а через характер функций, которые система принимает на себя в конкретной практике.

Отсюда следует принципиальное различие между технической действенностью и субъектностью. Система может существенно влиять на ход принятия решений, не обладая при этом переживаемым смыслом, авторством или моральной ответственностью. Рост ее функциональных возможностей также не означает постепенного движения к человеческой субъектности. Более продуктивным становится другой вопрос: какие интеллектуальные функции передаются технической системе, насколько ее результаты определяют последующие решения, и кто сохраняет возможность их интерпретации, проверки и оспаривания.

Такой подход позволяет уточнить и само понимание технокультуры. Техника в ней выступает не просто внешним средством человеческой деятельности, а участвует в формировании условий, в которых производится и оценивается знание, выбираются возможные действия и принимаются решения. В этом смысле машинный интеллект может рассматриваться как категория технокультуры, фиксирующая перераспределение интеллектуальных функций между человеком, институтами и техническими системами. При этом способность машины влиять на интеллектуальную практику не отменяет различия между технической операцией и человеческим суждением и не снимает вопроса об ответственности за использование ее результатов. На взгляд автора, дальнейшего исследования требует вопрос о том, как различаются формы машинного интеллекта в зависимости от характера делегируемых системе функций и степени влияния ее результатов на человеческие и институциональные решения.

Источники | References

1. Агеев А. И. Искусственный интеллект: туманность определений в неопределенности реалий // Философские науки. 2022. Т. 65. № 1. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2022-65-1-27-43>
2. Винник Д. В. О некоторых вопросах архитектуры искусственной личности // Философия науки и техники. 2022. Т. 27. № 2. <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2022-27-2-136-149>
3. Дубровский Д. И. Эпистемологический анализ социогуманитарной значимости новаций искусственного интеллекта в контексте общего искусственного интеллекта // Философские науки. 2022. Т. 65. № 1. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2022-65-1-10-26>
4. Райков А. Н. Субъектность объяснимого искусственного интеллекта // Философские науки. 2022. Т. 65. № 1. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2022-65-1-72-90>
5. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Философия общения и искусственный интеллект: опыт сравнительного анализа дискуссий в отечественной и зарубежной литературе // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61. № 2. <https://doi.org/10.5840/eps202461230>
6. Смирнов С. А. Исчислимо ли бытие человека, или Антропология искусственного интеллекта. Методологический аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 3. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.306>

7. Шевченко С. Ю. Расширенный разум и эпистемическая ответственность в цифровом обществе // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 4. <https://doi.org/10.5840/eps202158470>
8. Bates D. W. An Artificial History of Natural Intelligence: Thinking with Machines from Descartes to the Digital Age. Chicago-London: The University of Chicago Press, 2024.
9. Boyle J. The Line: AI and the Future of Personhood. Cambridge, MA. London: The MIT Press, 2024.
10. Burrell J. How the Machine "Thinks": Understanding Opacity in Machine Learning Algorithms // Big Data & Society. 2016. Vol. 3. No. 1. <https://doi.org/10.1177/2053951715622512>
11. Coeckelbergh M. Artificial Intelligence, Responsibility Attribution, and a Relational Justification of Explainability // Science and Engineering Ethics. 2020. Vol. 26. No. 4. <https://doi.org/10.1007/s11948-019-00146-8>
12. Coeckelbergh M., Gunkel D. J. Communicative AI: A Critical Introduction to Large Language Models. Cambridge – Hoboken, NJ: Polity Press, 2025.
13. Floridi L. The Fourth Revolution: How the Infosphere Is Reshaping Human Reality. Oxford: Oxford University Press, 2014.
14. Hayles N. K. Unthought: The Power of the Cognitive Nonconscious. Chicago – London: The University of Chicago Press, 2017.
15. Hui Y. On the Existence of Digital Objects. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2016.
16. McCarthy, J., Minsky, M. L., Rochester, N., & Shannon, C. E. A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence, August 31, 1955 // AI Magazine. 2006. Vol. 27. No. 4. <https://doi.org/10.1609/aimag.v27i4.1904>
17. Searle J. R. Minds, Brains, and Programs // Behavioral and Brain Sciences. 1980. Vol. 3. No. 3. <https://doi.org/10.1017/S0140525X00005756>
18. Turing A. M. Computing Machinery and Intelligence // Mind. 1950. Vol. 59. No. 236. <https://doi.org/10.1093/mind/LIX.236.433>
19. Weatherby L. Language Machines: Cultural AI and the End of Remainder Humanism. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2025.

Информация об авторах | Author information

Беляева Ульяна Павловна¹, к. филос. н.

¹ Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Ulyana Pavlovna Belyaeva¹, PhD

¹ Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky

¹ ulyana-sin@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 31.07.2026; опубликовано online (published online): 08.09.2026.

Ключевые слова (keywords): машинный интеллект как категория технокультуры; технокультура; операциональное посредничество; техническая агентность; техническая когниция; интеллектуальные практики; философия искусственного интеллекта; machine intelligence as a category of technoculture; technoculture; operational mediation; technical agency; technical cognition; intellectual practices; philosophy of artificial intelligence.